

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга посвящена вопросу, о котором трудно сейчас не задуматься: можно ли найти какую-то логику в цепи драматических переворотов, потрясших нашу страну за прошедший век? Если надеяться на то, что русский народ выживет, то он должен осмыслить эти события как некоторый *опыт*, и это осмысление должно помочь в выборе дальнейшего пути.

Помню, как эта мысль укреплялась во мне очень давно, несколько десятилетий тому назад. И, с другой стороны, как трудно было выработать какую-то объективную картину, когда публикация документов находилась под контролем строжайшей цензуры! Один из способов обойти эту трудность был такой: понять логику нашей революции и послереволюционных лет, пользуясь аналогией с Французской революцией, во многом так похожей. А литература тут была гораздо доступнее. Попробовав и этот путь, я поражаюсь благоприятным условиям работы историков Французской революции, которым было доступно большинство архивов революционных времен. Я хорошо помню, как для себя формулировал условия их работы: «Это примерно так, как если бы каким-то чудесным образом нашим историкам стали доступны архивы ЦК и ЧК». И вот то, что казалось возможным лишь в фантазии, совершилось в реальности — правда, как следствие колоссального слома всей жизни. И эти, и многие другие архивы открыты для исследователей, и квалифицированные историки издадут сводки документов нашей истории. Для нескольких поколений в современной России появилась уникальная возможность соединить личное ощущение критического периода истории страны с доступом к разнообразному и надежному фактическому материалу. В теперешнем всеобщем упадке — это одно из немногих положительных явлений жизни

(а возможно, единственное). И может быть, оно провиденциально дано нам, чтобы будущие поколения, осознав причины теперешнего распада, смогли найти выход из него.

Изложенные мысли и стимулировали мои работы, собранные в этой книге. Для удобства читателя я формулирую здесь основные мысли, которые кажутся мне новыми (по крайней мере, когда я писал соответствующие работы, эти мысли мне в литературе не встречались). Аргументы, подтверждающие эти тезисы, содержатся в работах, которые собраны в книге.

1. Социалистическое общество, построенное в СССР, и капиталистическое общество Запада не являются антагонистами, в принципе не противоположны друг другу. Наоборот, это два варианта, два пути, на которых может утвердиться «технологическая цивилизация», начавшая складываться на Западе еще несколько веков назад.

2. Революция 1917 года явилась насильственной развязкой длинного периода борьбы и колебаний в связи с основным вопросом: принять ли России основные принципы «технологической цивилизации» или бороться за поиски своего пути? Это относится к обоим этапам революции — и к Февральскому, и к Октябрьскому. В частности, пришедшее к власти учение марксизма было органическим порождением «западной» идеологии. В своей большевистской форме марксизм был тогда наиболее сильным и жизненным проявлением «западного» течения.

3. Весь период «военного коммунизма» и Гражданской войны Россия была охвачена волной крестьянских восстаний, которые становятся понятнее, если их рассматривать как единую крестьянскую войну, подобную Пугачевщине, крестьянской войне XVI в. в Германии, Жакерии во Франции и т. д. Видимо, это была единственная крестьянская война в истории, в которой крестьяне не были побеждены государством. Накал ярости с обеих сторон и, в частности, громадные, многомиллионные жертвы, на которые шли крестьяне, делает малоубедительным чисто экономическое объяснение этой Крестьянской войны. Она более похожа на религиозные войны, пережитые Западной Европой в XVI и XVII вв. Для находившейся у власти большевистской партии это была попытка осуществить идеи «Комму-

нистического манифеста» — основные принципы, на которых партия была создана.

4. После окончательного укрепления коммунистической власти жизнь партии проявлялась в возникновении череды оппозиций. Это было, по существу, единое движение, стремление более активной части партии вернуться к программе «военного коммунизма», требование реванша за поражение в Крестьянской войне и переход к нэпу. Наконец, более чуткая часть руководства (включая Сталина) поняла, что у партии, собственно, и нет другой программы, на проведение которой ее можно было бы мобилизовать. Коллективизация и выполнила эту программу, осуществила то, что не удалось сделать в крестьянской войне.

5. Индустриализация за счет деревни — это был путь развития, предложенный Западом, западный вариант построения «технологической цивилизации». В принципе, это было принятие Россией чужого пути развития, что отражалось в тогдашнем лозунге «догнать и перегнать!». Россия была переведена в разряд «догоняющих», то есть «отставших» стран.

6. Принятие западного, чуждого России пути развития означало, в духовном смысле, отказ от своей независимости. Это принудительно привело позже, в 1980—1990-е гг., к потере независимости в других областях жизни. Переворот конца 1980-х — начала 1990-х годов был не «отрицанием», а логическим завершением переворота 1917 г. и особенно коллективизации.

Трудно удержаться от того, чтобы не высказать здесь несколько соображений относительно возможного будущего. Изменения жизни, вызванные переворотом конца 1980-х — начала 1990-х годов, были наиболее явным подчинением России западному варианту «технологической цивилизации». Но есть много признаков того, что мы достигли *крайней точки* в этом направлении развития и дальше жизнь потечет уже в обратном направлении. Главным признаком наступающего изменения исторической тенденции, господствовавшей последние века, является, как мне кажется, явственное ослабление Запада. Он выглядит сейчас очень сильным материально и крайне агрессивен. Но ведь историей нельзя управлять при помощи крылатых ракет или даже водородных бомб. Главной силой Запада было

не техническое оснащение, а привлекательность его уникальной культуры. В петровские времена, и даже раньше, русских дворян привлекали на Западе не чисто материальные радости. В своих усадьбах они могли бы сладко есть и пить, а крепостные крестьянки водили бы вокруг них хороводы. На Западе их привлекала (часто лишь угадываемая) обаятельная культура. Там они знакомились с Вергилием и Гомером, их притягивали идеи Декарта и Лейбница, возникающая великая наука. Ничего подобного сейчас Запад предложить не может. Высокое художественное творчество завершилось там уже в XIX веке. Быть может, величайшим духовным достижением Запада было создание физико-математической картины мира. Она была, в принципе, завершена в первой половине XX века. Сейчас, когда говорят о современных достижениях человечества, обычно упоминают спутники или компьютеры. Но это техника, а не наука, цель науки — открытие законов природы. Многие указывали на этот признак угасающей цивилизации: исчерпание духовного творчества, когда все интеллектуальные силы общества сосредоточиваются на технике. Таким же признаком является империализм, попытки создания «мировой империи». Да и все признаки близящегося конца, которые отмечали у существовавших ранее цивилизаций, практически всегда можно встретить у современного Запада. И если России удастся сохранить некоторую независимость от Запада, не стать полностью его «придатком», то она имеет еще шанс войти в «постзападническую» эпоху истории.

Часть первая

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭПОХА КОММУНИЗМА

РУССКИЕ В ЭПОХУ КОММУНИЗМА

Три идеи

Обсуждая возможности спасения нашей страны и народа в теперешнем гибельном положении, часто видят главную беду в том, что у нас нет для этого «положительной программы». Строго говоря, это неверно. Многие авторы и партии предлагали ряд конкретных мер, причем часто эти меры группировались и располагались в порядке очередности, как это и полагается в «положительной программе». Например: непримиримая война коррупции, прекращение утечки валюты за границу, «пересмотр приватизации», контроль над экспортом и импортом с целью стимулировать производство, ограниченная инфляция, национализация или закрытие большинства банков, законодательное введение больших сроков заключения за неуплату налогов в крупных размерах (как в США), обязательное указание источника денег при крупных покупках, введение карточек, непризнание разделения русского народа и т. д. и т. д.

Да и странно было бы, если бы таких мер не существовало, ведь выходили же другие страны из тяжелого кризиса: США при президентстве Рузвельта, Германия в начале власти Гитлера, Германия и Япония после окончания Второй мировой войны — причем в разных условиях. Редактор журнала «Москва» Л. И. Бородин даже сетует, что такими предложениями редакция завалена; они приходят «ежемесячно, если не еженедельно». Он пишет: «Ради справедливости скажем, что читать некоторые из подобных материалов было интересно, как вообще интересно любое развитие мысли, тем более если оно про-

диктовано добрыми намерениями. Представьте себе, к примеру, трактат об освоении марсианских пустынь, в котором все логично, научно и убедительно и отсутствует лишь одна маленькая деталь — как попасть на Марс» («Москва», 1998, № 1). То есть, как Л. И. Бородин пояснил в другом месте, такие проекты содержат выглядящие разумными планы, но без указания того, какими силами эти планы можно было бы воплотить в жизнь.

Из этого следует, что обсуждение нашей сегодняшней ситуации надо было бы начинать не с построения конкретных «положительных программ», а с обзора того, какие вообще силы действуют сейчас в историческом поле и на какую (или на какие) из них мы, русские, могли бы опереться. Наиболее четко положение сформулировал, мне кажется, С. Г. Кара-Мурза: «Если бы дело было в том, что к нынешнему положению нас привела политика Ельцина, — было бы полбеда. Народ каким-то образом сделал бы усилие и сменил режим. Беда в том, что режим имеет согласие слишком большой части народа. Согласие не на частности — тут большинство кряхтит и проклинает, — а на главное, на чем стоит этот режим. На идею масштаба религиозного: жить, наслаждаясь малыми радостями, даже если народ в целом умирает. И режим создал узаконенные «зоны наслаждения» буквально для всех: для пьяниц и спортсменов, для христиан и сатанистов, для демократов и коммунистов. Множество маленьких мирков, которые обособились в свои капсулы, приобрели статус и небольшую подпитку — при условии, что не мешают народу в целом умирать» («Наш современник», 1998, №11—12).

Значит, противопоставить этому положению можно только ценности, более привлекательные для человека, чем «малые радости» в «зонах наслаждения», ценности, ради которых этими «радостями» можно жертвовать, потому что такая жертва вышшеает и приносит удовлетворение. И прежде всего необходимо дать себе отчет в том, какие вообще сейчас существуют духовные концепции или течения «религиозного масштаба», то есть способные объединить народ и вести его на борьбу и жертвы. Так, например, пытался Достоевский осмыслить современную ему жизнь более ста лет назад. Он пытался выделить основные идеологические силы, движущие человечеством. Он называл их

«идеями». Одна статья в «Дневнике писателя» называется «Три идеи». И действительно, весь XX век оказался полем борьбы (и взаимодействия) именно *трех* «идей». Мне трудно соотнести их с теми «идеями», о которых писал сам Достоевский, но основные концепции XX века видны отчетливо. Это:

1. Либерально-демократическая идея.

Основные ее положения:

— крайний индивидуализм, каждый (юридически) свободен делать свой выбор, но и не имеет основания рассчитывать на поддержку других;

— полная свобода и даже культ конкуренции; рынок как основной регулятор экономики;

— всеобщее и равное избирательное право; политическая власть как бы делится на миллионы формально одинаковых кусочков, и каждый полноправный гражданин получает свой кусочек — голос на выборах; потом они объединяются вокруг партий, воздействующих на общество через СМИ.

2. Коммунистическо-социалистическая идея.

Ее принципы:

— жизнь определяется не как составляющая множества индивидуальных воли и решений, а на основе единого, строго рационально разработанного плана, которому эти воли должны подчиняться;

— в самом конкретном виде это экономический план страны на несколько лет, а в самом общем — план развития всего человечества; такой глобальный план (предвидение или пророчество) является единственно допустимой и обязательной идеологией общества, а экономические планы монопольно определяют его экономику.

3. Национальная идея.

Сравнительно с двумя другими течениями явление ее в XX веке было внезапно и нежданно. К концу XIX века национальный фактор казался в истории преодоленным, каким-то пережитком — причем по мнению как либералов, так и социалистов. Но уже мировая война 1914 года показала, насколько это было неверно, вызвав шок целых слоев интеллигенции («потерянное

поколение»). Именно национальные силы превратили Первую мировую войну из обычной войны за определенные территории в войну на уничтожение. Потом в германском национал-социализме национализм оказался силой, вырвавшейся из-под всякого человеческого контроля. И после Второй мировой войны национальные расколы сотрясают мир на всех континентах. Но, с другой стороны, национальное единение дало силы подняться поверженным Германии и Японии.

И сейчас на ближайшее будущее не видно других сил, на которые мы сможем опереться, поднимаясь из теперешнего падения. Так что на предвидимое будущее наша судьба будет, очевидно, складываться из этих трех составляющих — как вектор в трехмерном пространстве с этими осями координат. Обсуждению этих сил и их влияния на судьбу русского народа (или некоторых аспектов этой проблемы) и посвящена настоящая работа.

Дальше я полностью исключаю из рассмотрения вопрос о влиянии либерально-демократической идеи. Он потребовал бы отдельного исследования. Особенно когда речь идет о влиянии этой идеи на судьбу России. Здесь возникает громадная трудность, сущность которой в следующем.

Попытка внедрения либеральной концепции привела за последние десять лет к тому трагическому состоянию нашей страны, которое всем уже хорошо известно. А тем самым и концепция глубоко скомпрометирована, она вызывает омерзение и ненависть. Хочется все это проклясть целиком и от всего отрешиться — и не только от того, что хлынуло к нам за последние годы, но и более принципиально: от всего «европейничанья», начиная с Петра. И в такой реакции есть здоровое зерно: этот «западный прогресс» в тех формах, в которых он стал выкристаллизовываться с XVII века, уже по всему миру показал свою болезненную, даже смертельную сущность. Он губит не только другие, традиционные цивилизации, но и деревню, и вообще природу, всюду убивает живое и заменяет его техникой.

Но, с другой стороны, это громадная сила, не владея которой хоть в какой-то степени народ не имеет надежды выжить. Эта сила связана с интеллектуальным переворотом, происшедшим на Западе одновременно с установлением там либе-

рально-демократического уклада общества: с так называемой научно-технической революцией XVII—XX веков. Причем весь дух, весь идеологический базис научно-технической революции неразрывно связан с основными принципами либерально-демократического уклада общества. Благодаря научно-технической революции возможность западных стран производить определенные материальные ценности увеличилась в сотни, тысячи и миллионы раз. Когда мы часто пишем, что высокий жизненный уровень Западной Европы и Северной Америки происходит из-за того, что одна пятая человечества живет за счет других четырех пятых, то это правда, но не вся правда: производительные возможности Запада колоссально возросли в результате переворота научно-технической революции. Да этот же переворот дал в руки Запада и громадные силы, при помощи которых он подчинил себе почти все остальное человечество, орудуя в случае необходимости так, как мы это сейчас видим на примерах Ирака и Сербии.

Вопрос о том, как России относиться к происшедшему на Западе перевороту, встал уже давно. Один раз Россия выбрала свой ответ: в эпоху Петра I. Несмотря на все недостатки этого ответа, он дал России двести лет устойчивого развития, избавил ее от судьбы Индии и Китая. За это время страна достигла своих естественных пределов, была создана великая русская культура XIX века.

Сейчас тот же вопрос возникает вновь. И опять полный отказ, полное отрицание представляется невозможным: очевиднее всего, из соображений безопасности страны. Но есть и более глубокая причина: мы слишком многое приняли в себя от Запада — во всей культуре, в самом типе мышления. Наконец, такое решение не соответствовало бы духу русской традиции. Россия, как заметил В.В. Кожин, легко воспринимает культурные импульсы, и это дает толчок ее самостоятельному развитию. Так мы восприняли вместе с принятием христианства глубокую византийско-греческую традицию, в эпоху петровских реформ — традиции постренессансной Западной Европы.

Здесь возникает важнейшая и очень трудная задача для русского национального сознания: что (и как) из продуктов либерально-демократического развития Запада (включая научно-

техническую революцию) можно усвоить и использовать, не разрушая страну и ее национальную традицию. Я только отметил эту громадную проблему, чтобы подчеркнуть, что не собираюсь ее здесь обсуждать.

Работа посвящена двум другим движущим идеям XX века: национальной и социалистическо-коммунистической. Но начать надо с обсуждения этих двух исторических явлений: нации и социализма (или коммунизма). При этом мне придется иногда повторять некоторые соображения, высказывавшиеся в моих более ранних работах, — это делается для удобства читателя.

Дальнейшее содержание работы: общее изложение тех основных (в моем понимании) двух концепций, о которых сказано выше, их реализация в нашей новейшей истории и, наконец, обсуждение того, как эти вопросы преломляются в нашей сегодняшней жизни и влияют на наше будущее.

Нация

Практически во все известные нам времена люди живут, объединяясь в группы, большие, чем семья, и меньшие, чем все человечество. В известной нам письменной истории действующими лицами являются нации, формирующие государства. В более древний период и в современных догосударственных обществах такую же роль играет племя. Оба понятия объединяются в одно — этнос.

По какому принципу происходит объединение в этнос? Громадную роль играет родственность, единство происхождения, как в семье. Аристотель говорил, что государство произошло из семьи, а он имел в виду национальное государство. Во многих обществах распространен миф, согласно которому все их члены рождены, как растения, родной землей (автохтоны), и поэтому все в некотором смысле братья друг другу. С другой стороны, в жизни каждой нации играет роль большое число людей иного происхождения, как бы «усыновленных» нацией, благодаря усвоению ее культуры и других духовных ценностей. Таким образом, нация — это сложное материально-духовное единство, и эти две стороны в ней не разорвать. Таковым же является и человек, как его, например, описывает Державин в оде «Бог»:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Таково же положение этноса, соединяющего в себе и материальные (происхождение, «кровь»), и духовные элементы (мифы, религия, культура, общая история). Он, аналогично человеку, связывает «цепь существ».

Роль этносов, видимо, связана с тем, что, объединяясь в эти группы, люди приобретают возможность находить ответ на вопросы жизни, абсолютно непосильные индивидуальному человеческому уму. При этом то, как находится ответ, остается совершенно непонятным индивидуальному уму: ответ объясняют тем, что «так повелось истари», или что так указал мифический предок, или что делать иначе— грех, табу. Это совершенно другой путь контакта человечества с окружающей средой, чем индивидуальное рациональное мышление.

Один из самых поразительных примеров таков. При небольшом размере племен в известных нам примитивных обществах (а в палеолите и неолите они, вероятно, были еще меньше) очень велика, казалось бы, вероятность браков между близкими родственниками. Мы знаем, что такие браки часто дают неполноценное потомство, и кажется, что человечество с самого начала было обречено на вырождение. Однако оно существует уже миллионы лет в значительной мере благодаря действующей во всех известных обществах системе брачных запретов, называемой *экзогамией*. Простейший из них заключается в том, что племя разделяется на два клана и запрещается брать жену из своего клана (видимо, эта ситуация отразилась во многих сказках, когда герой отправляется куда-то «в тридцатое царство» добывать себе невесту). При этом дети зачисляются в клан матери. Уже этот запрет исключает браки между матерью и сыном, братом и сестрой. Но система запретов гораздо сложнее и исключает браки между близкими родственниками в далеком колене. Иногда молодые люди влюбляются вопреки

экзогамным запретам («Ромео и Джульетта» первобытного общества). О таких драматических случаях рассказывают песни. Обычным выходом является совместное самоубийство. «Убей себя, убей себя!» — кричала мне мать», — говорится в одной песне нивхов. Конечно, члены этих племен не имеют представления о вредных генетических последствиях кровнородственных браков. Для них экзогамные запреты — типичное табу. Да и наше отталкивание от идеи кровосмешения никак не сводится к заботе о здоровье возможного потомства.

Чтобы не создалось впечатления, что решение жизненной проблемы глобально, целым этносом, является особенностью первобытного общества, приведу пример из сравнительно недавней истории. Речь идет о происхождении современных капитализма и демократии — «либерально-демократической идеи». Они возникли в результате Реформации — грандиозного переворота, совершившегося в Западной Европе в XVI—XVII веках. Но сама Реформация не выдвигала ни капиталистических, ни демократических принципов. Ее основоположник Лютер даже торговцев и тех приравнивал к вора и никогда не покушался на авторитет и власть германских князей. Центральной идеей Реформации была *идея спасения*: спасения человеческой души в преддверии грядущего Страшного суда, которого ждали со дня на день. Основное богословское положение Лютера заключалось в том, что «спасение дается только верой», то есть *никакие* совершенные в этой жизни поступки не могут перевесить первородного греха человека. Очевидно, что это было учение, уводящее от всякой мирской деятельности.

Во времена английской революции 1640—1660 годов революционерами тоже двигали религиозные идеи. Они ожидали «пятую монархию» — монархию Иисуса Христа (это течение называлось квинтомонархизмом). Один из созданных Кромвелем парламентов назывался «парламентом святых». Каждому разумному человеку в то время должно было бы быть ясно, что «прогрессивным строем» является абсолютная монархия — такая, как испанская, французская, оттоманская, а парламенты — это атавизм, пережиток Средневековья. И тем не менее на этом пути сначала в Англии, а потом в Западной Европе и Северной Америке была достроена система промышленного капитализ-

ма, общества, основанного на всеобщем избирательном праве, произошла научно-техническая революция. И только несколько столетий спустя Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма»^(*1) показал, почему же для создания столь практичного и мирского капиталистического демократического общества был необходим религиозный переворот Реформации. Несомненно, существует много других примеров такого решения задачи «групповым разумом» племени или нации (хотя бы открытие земледелия и приручение животных).

Конечно, совершенно непонятно, как этот «групповой разум» находит решение, недоступное индивидуальному человеческому разуму. Но ведь точно так же непонятно, как десять миллиардов клеток человеческого головного мозга вместе сочиняют стихи или доказывают теоремы.

Этот путь выбора народом правильного ответа, основанный не на рациональном, логическом мышлении, хорошо чувствовал Лев Толстой.

В «Войне и мире» он не раз возвращается к этому вопросу: «В исторических событиях очевиднее всего запрещение вкушения плода древа познания». О Кутузове говорится: «Против воли государя и по воле народа он был избран главнокомандующим». Что за непонятный механизм «избрания»? Основа его — национальная. Князь Андрей думает: «А главное, почему веришь ему, это то, что он русский». «На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало народному, противному придворным соображениям, избранию Кутузова главнокомандующим». «Только признание в нем этого чувства (национально-русского) заставило народ такими странными путями, из в немилости находящегося старика, выбрать его, против воли царя, в представителя народной войны». Принадлежность к нации дает человеку более высокие жизненные цели, помогает оторваться от «малых радостей» или, наоборот, совсем безрадостных трудностей жизни, способных полностью его поглотить, особенно в периоды, когда привычная жизнь рез-

---

* Здесь и далее цифры в скобках обозначают порядковый номер цитируемого издания в списке использованной литературы, который приводит-ся в конце работы.

ко ломается. Ведь вся известная нам история есть история не отдельных людей, а народов. И только через принадлежность к народу человек может ощутить себя участником грандиозного процесса истории. Его жизнь приобретает некоторую высшую осмысленность и ценность, ради которой он способен многим жертвовать. Недаром в войнах, как правило, руководители государств апеллируют к национальным чувствам народа, призывая его к жертвам — и обычно с успехом.

Коммунизм

Я не буду вдаваться в тонкости, различающие понятия коммунизма и социализма, мне и самому они не очень ясны. Напротив, я постараюсь охарактеризовать в общих чертах «социалистически-коммунистическую идею», пользуясь терминами «социализм» и «коммунизм» как синонимами.

Очень важно иметь в виду, что идея эта (как бы она ни называлась) вовсе не продукт последних веков, не идеология пролетариата, возникшего в результате промышленного переворота в Западной Европе. Наоборот, она очень древнего происхождения, то есть относится к числу основных концепций, «архетипов» цивилизованного человечества. Ее законченное, глубоко продуманное изложение известно нам уже из сочинений Платона в IV веке до Рождества Христова.

Платон обсуждает вопрос: как *построить* идеальное государство? Это очень характерно: и всюду впоследствии социалистическая концепция возникает как результат индивидуального рационального мышления, как социальное «изобретение», подобное паровозу или телевизору. Ее можно назвать идеей религиозного масштаба — но лишь в смысле масштаба ее воздействия на людей, способности увлекать их. Возникает же она принципиально другим путем, чем религия или национальное чувство. Двумя тысячелетиями позже Платона Бухарин пишет: «Капитализм не строили, а он строился». Наоборот, «процесс строительства коммунизма является в значительной степени сознательным, то есть организованным».

Платон начинает с утверждения, что величайшее благо для государства — это единство среди его граждан, «когда чуть ли не все граждане одинаково радуются или печалются». А главное